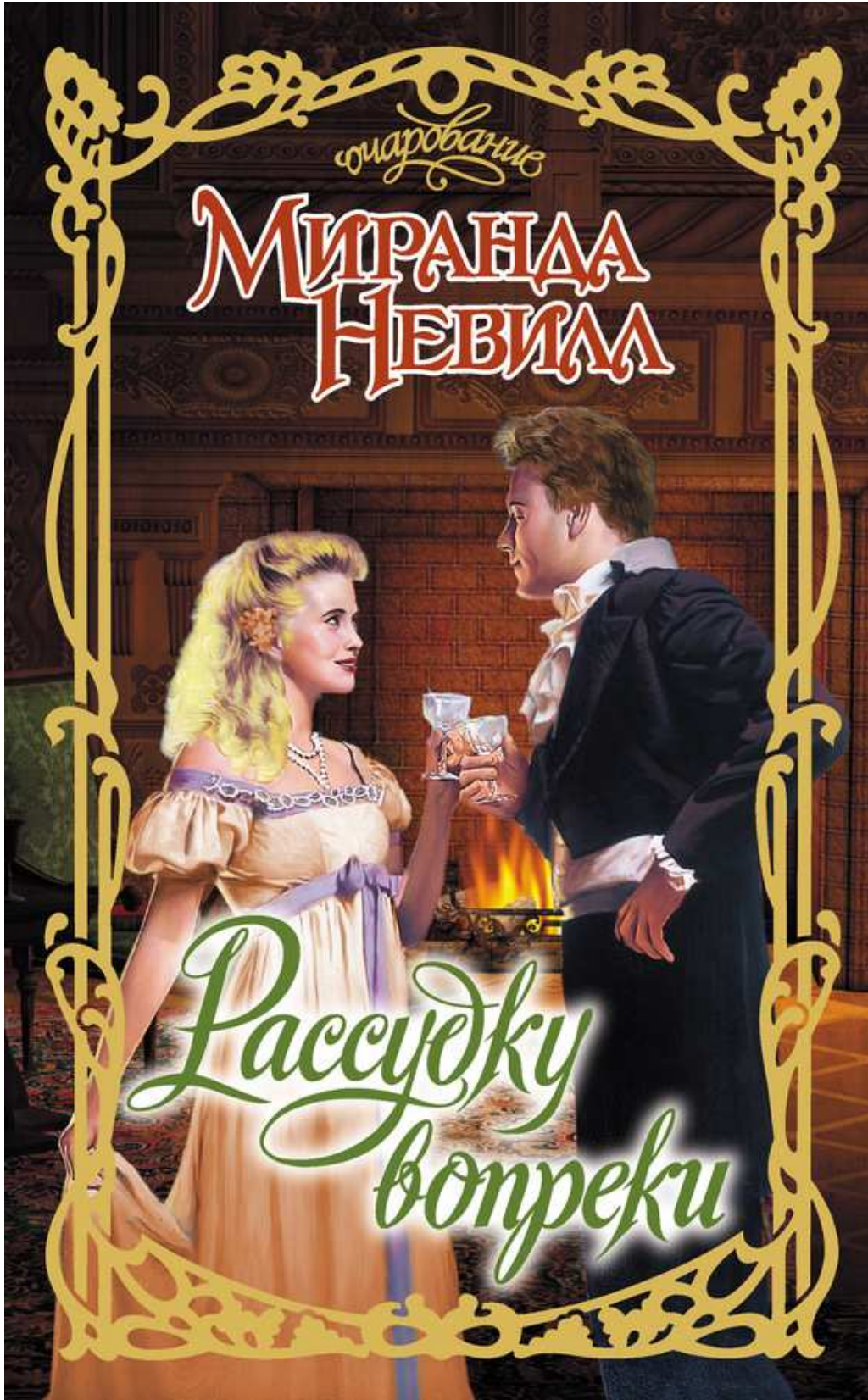

очарование

МИРАНДА НЕВИЛЛ

Рассудку
вопреки

Миранда Невилл Рассудку вопреки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686729
Невилл, Миранда Рассудку вопреки : роман : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-080910-3
Оригинал: MirandaNeville, "Confession from an Arranged Marriage"
Перевод:
Т. Дмитриева

Аннотация

Лорд Блейкни вовсе не планировал предаваться тихим радостям семейной жизни – наоборот, по возвращении в Лондон после двухлетнего отсутствия он собирался вдоволь повеселиться с легкомысленными куртизанками.

Умная, независимая Минерва Монтроуз никогда не стремилась замуж, а тем более выходить за никчемного, на ее взгляд, повесу вроде Блейкни.

Но увы! Маленькое недоразумение на балу, и репутация Минервы безнадежно скомпрометирована, а Блейкни теперь обязан жениться на «погубленной» им девушке.

Конечно, свадьба еще не конец света – умные люди всегда сумеют сохранить свободу в браке.

Однако планы Минервы и ее законного супруга трещат по швам, когда в игру вмешивается не признающая ни договоренностей, ни доводов рассудка пылкая страсть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Миранда Невилл

Рассудку вопреки

Miranda Neville

Confession from an ArranED Marriage

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Miranda Neville, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Глава 1

Лондон, весна 1822 года

Лорда Блейкни не было в бальном зале. Его вообще не было в здании, но окажись он даже на корабле, направлявшемся в Америку, Минерву Монтроуз это бы нисколько не огорчило.

Когда дворецкий с непроницаемым выражением лица сообщил мисс Монтроуз, что его светлость нигде не могут отыскать, это мало удивило девушку. Если бы ее попросили назвать двух самых ненадежных в этом мире людей, маркиз Блейкни оказался бы первым в этом списке.

Не имело значения, что бал проходил в Вандерлин-Хаусе, лондонском особняке герцога и герцогини Хэмптон, а давали его по случаю официального представления свету Минервы Монтроуз. И уж конечно, не имело никакого значения, что Блейкни, единственный сын и наследник герцога, должен был вместе с ней открывать этот бал. Минерва слишком хорошо знала о необязательности молодого джентльмена, поэтому не огорчалась. Да и потеря партнера, один вид которого поверг бы в пучину зависти других дебютанток, не особенно расстроил ее.

– Думаю, Блейкни уже не появится.

Взгляд зятя Минервы, виконта Айверли, был исполнен такой искренней печали, что девушка невольно улыбнулась.

– Должно быть, ты впервые сожалеешь о его отсутствии, – заметила она.

– Я был бы просто счастлив никогда его больше не видеть.

– Хотя я не видела Блейкни уже почти два года, не думаю, что он изменился за это время.

Себастьян презрительно фыркнул:

– Должен заметить, уже в десять лет он был довольно заносчивым ослом с необоснованно высокой самооценкой, а впоследствии не изменился к лучшему. Он глупец, не способный произвести на свет ни единой стоящей мысли.

– Герцог и герцогиня умные люди. Как они воспитали такого сына?

– Возможно, нянька в детстве уронила его и он ударился головой.

Вражда Себастьяна с кузеном уходила корнями в их детство, и благосклонность Дианы, сестры Минервы, к старому сопернику лишь усиливала неприязнь Блейкни. Минерва обожала своего зятя и разделяла его мнение относительно умственных способностей Блейкни. В другое время парочка с удовольствием занялась бы веселым перечислением многочисленных недостатков последнего, однако сейчас Себастьяна занимала другая мысль.

– Как ты думаешь, наверное, я должен буду танцевать с тобой вместо него?

Минерва удержалась от побуждения поддразнить молодого человека, балансирующего на грани отчаяния.

– Только если не удастся найти мне другого партнера, желательно здравомыслящего и способного поддерживать разумную беседу. Блейкни, случись ему все же появиться, к несчастью, не обладает данными качествами.

Тоскливый взгляд Себастьяна вспыхнул.

– Член парламента от Гристлуика, полагаю. Интересно, этот парень понимает, что ты собираешься окрутить его и независимо от его собственных устремлений превратить в успешного государственного мужа?

Минерва опустила глаза с самым скромным видом, который, впрочем, не мог провести никого, кто знал ее достаточно хорошо.

– Мистер Паркс, если я не ошибаюсь, хочет стать премьер-министром, а я как раз могу этому поспособствовать.

– Что ж, удачи ему. А который из них?

Вечер только начинался, и бальный зал заполнился лишь наполовину. Присутствовали в основном начинающие политики, горевшие желанием доставить удовольствие герцогу, светские же модники предпочитали по-модному опаздывать. Равнодушно окинув взглядом наряды дам, Минерва выискала взглядом кучку поглощенных беседой джентльменов, стоявших подле ионических колонн, отделявших переднюю часть зала.

– Вон там, – указала она.

– Приземистый юноша с волосами песочного цвета?

– Я бы назвала их светло-каштановыми. Уж от тебя-то, Себастьян, я ожидала, что ты по достоинству оценишь человека, который культивирует в себе ум, а не внешность.

– Верю тебе на слово, что этот парень образец учености, но в данный момент он впечатлил бы меня, если бы подошел и пригласил тебя на первый танец.

– Он этого не сделает, поскольку уже ангажировал меня на второй.

Себастьян посмотрел на Миранду, его беспокойство не скрывали даже стекла очков.

– С кем же ты тогда будешь танцевать? Ты же не можешь просидеть первый танец на этом злосчастном балу, который дается в твою честь.

– Злосчастном? Если бы Диана не ждала прибавления, ты бы сам давал этот бал.

– Не напоминай мне.

– С твоей стороны было очень великодушно приехать из самого Кента, чтобы поддержать меня.

– Это Диана меня заставила, – буркнул Себастьян. Кроме того, она велела мне разузнать о последних веяниях моды. Ну как, черт побери, я с этим справлюсь? А теперь, похоже, мне еще и танцевать придется.

Минерва с шутливо преувеличенным сочувствием дотронулась до его руки.

– Бедный Себастьян. Но и меня можно пожалеть. Я бы предпочла беседовать со всеми этими членами парламента, а не открывать бал. Приободришься. Вот идет герцогиня. Возможно, она уже нашла мне партнера.

Девушка крепче схватила его за руку, не оставляя шансов на побег.

Хозяйка бала, надменная герцогиня Хэмптон, шелестя элегантным платьем изумрудного цвета, приблизилась к ним.

– Мне очень жаль, мисс Монтроуз, – сказала она. – Похоже, мой сын забыл о своем обязательстве. – Только крепко поджатые губы и большая, чем обычно, холодность в ее голосе выдавали степень недовольства дамы, но Минерва не сомневалась, что герцогиня, возмущенная неучтивостью Блейкни, едва сдерживает гнев. – Что ж, я думаю, все будет выглядеть вполне прилично, если на первый танец вы выйдете с другим членом нашей семьи. К сожалению, здоровье герцога не позволяет ему танцевать. – Ее взгляд остановился на племяннике мужа. – Айверли, ты должен взять на себя обязанности хозяина.

– Мне хочется убить Блейкни, – пробормотал Себастьян, ведя партнершу в центр зала. – И в этом нет ничего странного.

– Не беспокойся, – подбодрила его Минерва, – это всего лишь танец, а не пытка.

Благополучно пережив первый танец, Себастьян неторопливо направился к столу с прохладительными напитками, давая понять, что не намерен возвращаться на танцевальный паркет. Минерва готова была разделить его нелюбовь к танцам, правда, совсем по иной причине. Танцевала она прекрасно, но во время контрданса, на который ее пригласил мистер Томас Паркс, им не удалось перекинуться даже парой слов. Стоя в ряду напротив, она имела прекрасную возможность оценить приятную внешность молодого человека, которого давно уже выбрала в качестве потенциального мужа, ориентируясь на газетные заметки о

его многообещающей карьере. Роста он был среднего, но выше ее на два или три дюйма, и только такой высокий мужчина, как лорд Айверли, мог назвать мистера Паркса приземистым. Плотного телосложения, но не склонный к полноте, молодой политик был облачен в вечерний костюм, отличавшийся сдержанной эlegantностью. «Песочные волосы», обрамлявшие умное лицо, были густыми, хорошо подстриженными и тщательно причесанными.

Обладая весьма скромным жизненным опытом, Минерва тем не менее знала, что красивые мужчины склонны к высокомерию и эгоизму. И это было одной из причин, по которым мысли о лорде Блейкни не туманили ее разум.

Мистер Паркс в свою очередь окинул ее внимательным взглядом и одобрительно улыбнулся. Как часто говорила ей Диана, мужчины чрезвычайно поверхностно судят о человеческих качествах женщины. В первую очередь на них производит впечатление эффектная внешность. Минерва всегда предпочитала, чтобы окружающие прежде всего ценили ее разум, однако, будучи реалисткой, понимала, что, поскольку свет находит ее хорошенькой, она должна дарить окружающим улыбки, в том числе и мистеру Парксу. И все же Минерва искренне надеялась, что молодого человека привлекает не только ее обаяние, но и ум и характер. Поэтому она уже не раз задумывалась, как скоро ей ждать официального предложения. Ей очень хотелось решить вопрос замужества до конца этого сезона. В самом скором времени, точнее, в течение нескольких следующих месяцев, велика была вероятность смены правительства, а значит, совсем скоро мистер Паркс окунется в нервную суету выборов. А это событие Минерва намеревалась встретить уже в качестве миссис Паркс.

Танец закончился, и молодой человек предложил ей руку, чтобы сопроводить обратно к леди Чейз, которая в отсутствие Дианы выполняла обязанности наставницы Минервы. Ее готовый сорваться с губ вопрос относительно ситуации в Ирландии умер, так и не прозвучав, ибо внимание мистера Паркса, впрочем, как и всех остальных гостей, внезапно обратилось ко входу. Через высокую двустворчатую дверь парадного входа в зал нетвердой походкой вошел джентльмен и тут же слегка поскользнулся на отполированном паркетном полу. Стоя от вошедшего всего в двадцати футах, Минерва отлично видела, как только что прибывший гость, стараясь сохранить равновесие, ухватился за плечо полногрудой дамы, которая так и застыла с распахнутым от возмущения ртом. Невозмутимо оттолкнувшись от дебелой матроны, джентльмен, не найдя иной опоры, небрежно прислонился к декоративному пилястру и хмуро оглядел присутствующих.

Он, как всегда, был великолепен. Прядь темно-русых, отливавших золотом волос нависала над густыми бровями. Трудно было найти более совершенной лепки нос и более тонко, но мужественно очерченные скулы. Полные, прекрасной формы чувственные губы были капризно надуты и полностью соответствовали выражению его темно-синих глаз.

Он всегда был чертовски красив, однако, увидев запоздалого гостя, Минерва едва не вздрогнула от отвращения.

Прибыл лорд Блейкни.

Осмотревшись еще раз, он задержал свой взгляд на ней. Его губы изогнулись в саркастической полуулыбке, и их взгляды скрестились с выражением взаимного неудовольствия. Блейкни с некоторым трудом оторвал спину от стены и вальяжной походкой подошел к девушке.

– Полагаю, это наш танец, мисс Монтроуз.

Он ничуть не изменился.

У Минервы возникло сильнейшее желание хлестнуть веером по этой самонадеянной физиономии.

– Лорд Блейкни, – произнесла она, с трудом сохраняя видимость учтивости, – полагаю, наш танец закончился уже более получаса назад.

– Не имеет значения, этот тоже подойдет.

– Милорд. – Мистер Паркс предвосхитил ее реплику, с коротким поклоном обратившись к Блейкни.

– Я вас знаю? – спросил тот, обернувшись.

– На прошлой неделе его светлость представил нас друг другу в «Бруксе».

– Ах да, припоминаю.

Явная ложь. Вряд ли его заинтересовал человек, с которым он не мог сойтись в фехтовальном поединке или на конных состязаниях. В подтверждение этой мысли Блейкни больше не обращал внимания на члена парламента от Гристлуика, а с преувеличенным вниманием начал прислушиваться к музыкантам, настраивавшим инструменты.

– Полагаю, намечается вальс. – Он предложил ей руку. – Пусть не говорят, что я пренебрегаю семейными обязательствами.

Изогнув губы в милой улыбке, Минерва процедила сквозь стиснутые зубы:

– Уверяю вас, милорд, у вас нет передо мной никаких обязательств. Мы состоим в настолько отдаленном родстве, что им легко можно пренебречь.

Любому стороннему наблюдателю могло показаться, будто девушка смотрела на Блейкни если не с восхищением, то с откровенной приязнью, и никто не заметил, как Минерва с сожалением взглянула на Паркса, который, коротко извинившись, оставил пару и с несколько преувеличенной деловитостью направился к группе джентльменов, окруживших министра внутренних дел.

Блейкни прищурился:

– Я имел в виду мои обязательства перед герцогом и герцогиней. Моими почтенными родителями и хозяевами этого бала.

Итак, он не потрудился даже притвориться учтивым. Хорошо.

Возможно, со времени их последней встречи манеры Блейкни не изменились к лучшему, но теперь, когда он стоял совсем близко, Минерва, к своему удивлению, обнаружила пока еще малозаметные изменения в его внешности. Он несколько постарел за то время, пока она жила в Вене, а Блейкни в Девонском поместье Вандерлинов. «Постарел», вероятно, не совсем точное слово – ему было всего двадцать девять или тридцать, – но он более не производил впечатления того цветущего юноши, который в свое время ухаживал за Дианой. Теперь Минерва отметила не только тонкую паутинку морщинок в уголках глаз, но и небрежно повязанный галстук и чуть длинноватые влажные волосы, ниспадавшие на высокий воротник белоснежной сорочки. Похоже, Блейкни давно не заглядывал к цирюльнику. А ведь еще совсем недавно его внешность была безупречна. Когда он предложил ей руку, Минерва уловила свежий аромат вербенового мыла, обильно сдобренный запахом бренди.

Она все же попыталась создать хоть какую-то иллюзию беседы с этим олухом.

– Мне довелось танцевать предыдущий танец с мистером Парксом. Это истинный джентльмен с блестящим будущим. Кажется, ваш батюшка о нем весьма высокого мнения.

Блейкни повел ее в танце чуть энергичнее, чем того требовала музыка, и едва не сбился с ритма. Улыбнувшись, Минерва с удовлетворением отметила, что ее реплика явно раздосадовала партнера.

Он моментально исправился, едва заметно напрягши руку, тепло которой она ощущала даже сквозь плотный шелк платья. Танцевал Блейкни великолепно, неохотно признала Минерва, и это несмотря на то что был явно навеселе. На его левой скуле она разглядела крохотный участок небрежно выбритой кожи: похоже, Блейкни брился самостоятельно. Конечно, заметить подобную небрежность можно было, только танцуя вальс, в котором партнеры находятся не более чем в футе друг от друга.

– Вероятно, ваш камердинер не совсем здоров, а может, вы просто были не дома, когда передевались к вечеру?

Дерзкий вопрос, граничивший с бестактностью, но в Блейкни всегда было нечто такое, от чего она теряла самообладание и начинала вести себя подобно невежественной дикарке.

Его губы изогнулись в порочной усмешке, а в глазах мелькнули злые искорки.

– Раз уж вы спрашиваете, мисс Монтроуз, я был на Генриетта-стрит в доме мадемуазель Дезире де Бонамур. – Он произнес эти слова, буравя ее насмешливым взглядом. По спине Минервы пробежал легкий холодок; отчего-то спокойный тон Блейкни совершенно не сочетался с его глубоким баритоном.

– Весьма гостеприимная дама. Когда я понял, что опаздываю, то ради экономии времени решил принять ванну вместе с ней.

Почувствовав, как краска заливает ее лицо, Минерва разозлилась на себя и едва не потеряла самообладание. Ее ни в малейшей степени не интересовала эта француженка, которую свет негласно провозгласил первой красавицей Лондона.

– Полагаю, упомянув о своей любовнице, вы пытались смутить меня, – сказала Минерва.

– Ни в коей мере, – спокойно ответил Блейкни, – просто хотел напомнить, что у меня есть более интересные занятия, чем потворствовать желаниям честолюбивой мисс.

– Тогда мы вполне сходимся во взглядах, – парировала Минерва. – У меня есть более достойные объекты внимания, чем испорченный бездельник без единой мысли в голове, не интересующийся ничем, кроме развлечений и охоты. – И одарила его милой и совершенно неискренней улыбкой.

– Охоты? Мисс Монтроуз, я сейчас думаю вовсе не об охоте.

Минерва не вполне поняла, что означала последняя реплика. Выросшая с четырьмя братьями, Минерва научилась успешно провоцировать вспышки гнева. Улыбка, которой она только что одарила Блейкни, могла довести любого из молодых Монтроузов до бешенства.

Она пристально вглядывалась в лицо своего визави, чтобы успеть погасить возможное проявление несдержанности.

– Мне не хотелось бы чрезмерно напрягать ваши мыслительные возможности, лорд Блейкни. Я умолкаю и намереваюсь молчать, пока мы не закончим этот тур вальса.

– Этим вы чрезвычайно меня обяжете, мисс Монтроуз, – усмехнувшись, прошипел Блейкни.

Потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы сохранить притворную самодовольную улыбку на лице и держать свои каблучки подальше от его туфель. Минерва уже не раз едва удерживалась от соблазна наступить на ногу этому грубияну. Она могла бы это сделать, совершенно случайно разумеется, если бы не понимала, что ее бальные туфельки из мягчайшего атласа вряд ли причинят ощутимую боль этому неуклюжему хлыщу. Ну ладно, не совсем неуклюжему. Даже будучи навеселе, Блейк двигался легко и непринужденно, и, кроме того первого промаха, ничто больше не свидетельствовало о его состоянии. Он улыбался так широко и открыто, что со стороны казалось, будто пара искренне наслаждается танцем, пребывая в полном и обоюдном согласии.

Они закончили танец, не обменявшись более ни единым словом.

Глава 2

– Блейк, старина.

Хорошо знакомая и совершенно нежелательная фигура преградила ему путь.

Вечер был окончательно испорчен. Мало того что ему пришлось посетить бал в доме родителей и танцевать с самой несносной особой из всех, кого ему доводилось знать; хуже того – он опоздал на этот проклятый бал, который его матушка давала как раз в честь этой самой особы. Ему было безразлично, что Минерва Монтроуз слыла самой прелестной дебютанткой Лондона. Его не интересовали дебютантки, а самое главное – совершенно не интересовала Минерва. Эта девица была для него источником постоянного раздражения, еще когда он ухаживал за ее сестрой. И когда Диана предпочла ему чертова Себастьяна Айверли, Блейкни утешился тем, что Минерва, к счастью, не станет его свояченицей.

И теперь еще это. И именно в тот момент, когда он оказался в относительной безопасности буфетной, собираясь принять стаканчик-другой горячительного в дополнение к тому бренди, который выпил у Дезире. Не вставая из-за стола, Блейк снизу вверх взглянул на своего врага, едва сдерживаясь, чтобы ударом кулака не размазать эти ангельские черты по ближайшей колонне.

– Хантли, – пробормотал он и холодно кивнул.

– Как дела, Блейк?

Не отвечая, Блейкни обернулся, взглядом отыскал лакея с подносом, подал тому знак и мимоходом отметил, что в буфетной комнате было слишком много гостей, жаждущих освежиться, и Блейк не мог ударить негодяя, не привлекая внимания.

– Даже не пожмешь руку старому школьному приятелю?

Блейк взял с подноса бокал и скривил губы в неопределенной гримасе. Хорошо, что руки у него заняты. Он боялся даже говорить, так как голос мог его выдать.

Хантли улыбнулся своей простодушной улыбкой, очаровывавшей многих, но только не Блейка.

– Рад тебя видеть. Тебя так долго не было в городе. Два года, не так ли? Твои друзья по тебе скучали.

– Неужели?

– Ты мог бы сообщить мне о своем возвращении.

– Чего ради?

– Понимаю, Блейк, ибо знаю, ты терпеть не можешь писать письма. Полагаю, со времен Итона твой почерк не улучшился.

– Именно поэтому ты был настолько любезен, подписывая от моего имени долговые расписки?

– Всегда готов помочь лучшему другу.

Словно ледяной ветер обжег сердце Блейка. Ему никогда не отвязаться от «своего старого школьного друга». Свой секрет он доверил мальчику, и вот уже взрослый мужчина доказал ему, как глупо полагаться на другого человека. Блейк сделал глоток вина и внимательно оглядел бывшего приятеля, чей вид производил лучшее впечатление, чем когда они встречались в последний раз. Хантли стал солиднее и явно одевался у хорошего портного. Впрочем, что же тут странного? Дела у этого пройдохи, без сомнения, шли неплохо.

– Чего ты хочешь, Хантли?

В ответ на этот несколько грубоватый вопрос старый знакомый жизнерадостно улыбнулся:

– Да ничего. Просто хотел бы возобновить нашу дружбу, поднять стаканчик, вспомнить старые добрые дни. Помнится, тогда ты называл меня Джеффри.

– Все меняется, Хантли.

– В школе ты не был таким заносчивым. В то время герцогский титул твоего отца не имел значения. Конечно, ведь ты во мне нуждался.

Интересно, почему во времена их школьной дружбы он никогда не замечал, что Хантли отъявленный лицемер? Если бы тогда он был чуть проницательнее, то давно бы понял, насколько непорядочен этот человек.

– Думаю, я более чем сполна расплатился за прежние одолжения, – ответил Блейк. – Что ты делаешь в доме моего отца?

– Меня пригласили. Разве ты не слышал? На дополнительных выборах в Уэстборо меня выдвинули в депутаты парламента. Я вхожу во фракцию герцога.

Если Хантли сумеет втереться в окружение герцога Хэмптона, Блейку никогда не удастся избавиться от этого мелкого паразита. Кроме того, даже минимальная степень доверия герцога к этому типу способна привести к несчастью.

Внешность Хантли располагала к доверию, но Блейка эти невинные округлые черты только раздражали. Хантли догадывался, что Блейкни нервничает, и делал все, чтобы он нервничал еще больше. Но Блейк решил разочаровать его, во всяком случае в данный момент.

– Прошу меня извинить. У меня договоренность на следующий танец.

– Понимаю. Тебя вновь призывает улыбка красавицы Монтроуз, а может, какой-то другой прелестницы?

Не удостоив его ответом, Блейк повернулся к мерзавцу спиной и направился к выходу.

– Приятно провести время, – бросил вдогонку Хантли. – Я пока побуду здесь.

Эта встреча иссушила последнюю каплю его хорошего настроения. День начинался так хорошо: отличное утро, восхитительный полдень в постели Дезире – все было просто великолепно. Пока он не вспомнил, что обещал матери присутствовать на этом проклятом балу.

Черт возьми, как ему хотелось немедленно оказаться на Генриетта-стрит и, бросившись в благоухающие объятия любовницы, снова почувствовать ее шелковистое тело. Она намекала на что-то новое, хотя целая неделя почти беспрестанных утех с Дезире совершенно опустошила его. Она была не только восхитительной любовницей, но и занимательным собеседником без всяких интеллектуальных притязаний. У нее он мог расслабиться и посмеяться, с ней он никогда не чувствовал себя глупым, хотя, наверное, это смешно, поскольку Дезире никогда не скрывала своих корыстных мотивов. А при виде ее Блейкни тут же совершенно глупел от любви. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, поскольку целых два года в деревне он вел совершенно монашеский образ жизни.

И это все из-за негодяя Хантли, чьи непомерные требования вынудили Блейка удалиться в деревню, чтобы наконец оплатить долги. Правда, сельская жизнь в Девоншире порой доставляла ему удовольствие: Блейк нуждался в небольшом отдыхе, не омраченном притязаниями молодых леди, старых врагов и собственных родителей.

Если он уйдет сейчас, то сумеет избежать долгих нотаций отца и гневных упреков матери, которая не упустит случая выговорить ему за опоздание на бал. Возможно, он бы и решился на такой шаг, но Дезире ясно дала понять, причем самым соблазнительным способом, что очень хочет получить браслет в дополнение к тому рубиновому ожерелью, которое он уже ей подарил. Вот почему не стоило пока сердить своего старика сильнее, чем обычно, что, похоже, он делал одним фактом своего существования.

И все же будь он проклят, если вернется в бальный зал, где герцогиня тут же заставит его танцевать с разными девицами на выданье. А поскольку в буфетной торчал Хантли, Блейк решил поискать иного убежища.

Небольшая гостиная оказалась свободна, но стол, уставленный напитками, говорил о том, что скоро сюда придут. Настроение у Блейка было настолько отвратительное, что видеть ему никого не хотелось, поэтому он налил себе из открытой бутылки и скользнул за портьеру оконного проема. У высокого сводчатого окна царила приятная прохлада и спокойствие, представлявшие разительный контраст с залами, где было душно от разгоряченных тел и огня множества свечей. Здесь Блейк мог насладиться покоем и тишиной, а также основательно выпить, чтобы как можно спокойнее перенести встречу с отцом.

– Здесь никого нет.

Хорошо знакомый голос раздался, когда Блейк нацелился на второй бокал шампанского. Джеймс Лэмтон был практически единственным человеком, чьему обществу он бы обрадовался. Блейк совсем забыл, что и его друг собирался присутствовать на этом треклятом балу. Он слишком о многом сегодня забыл. Блейкни уже собрался покинуть свое убежище, но услышал женский голос:

– Да и подходящей мебели здесь нет.

Как забавно. У Лэма тайное свидание. А поскольку голос дамы он тоже узнал, то ему стала ясна и цель этого свидания, и какая именно мебель нужна этой парочке. Предпочтительнее, конечно, кровать, но и диван или даже большое кресло вполне сгодятся.

Ему самому пару раз случалось развлечься с этой дамой во время званых вечеров. Герцогиня Летбридж была немногим старше Блейка, но по своему опыту превосходила его на десятилетия. Произведя на свет троих сыновей, ее не менее распущенный супруг позволял ей делать все, что ей нравится. А нравились этой даме молодые люди. Насколько Блейку было известно, его друг еще не оказывал подобных услуг этой красивой и сладострастной даме.

– Нет, это не годится, – сказала она. – Куда еще мы можем пойти?

– В библиотеку во время бала никто не заходит.

– Времени остается мало. Я обещала подойти к премьер-министру. Встретимся в библиотеке через час.

Дальше дело пошло лучше. Следующие партнеры Минервы нравились ей куда больше. Молодой пэр, которого собирались были назначить помощником посла в Вене, с неподдельным интересом внимал ее рассказам о впечатлениях от этого города. Младший секретарь военного министерства также не обманул ее ожиданий. Тот факт, что герцог Хэмптон был одним из лидеров оппозиционной партии, не мешало членам правительства пользоваться его гостеприимством. Потом мистер Томас Паркс, непоколебимый сторонник фракции Хэмптона, пригласил ее еще на один танец.

– Должно быть, у него серьезные намерения, – заметила Джулиана, молодая маркиза Чейз, – поскольку он выбрал последний танец перед ужином.

– Мин, ты уверена, что не напрашивалась на приглашение? – спросила миссис Тарквин Комптон.

– В этом не было необходимости, – ответила Минерва, игнорируя язвительную реплику Селии Комптон. – Он поджидал меня по окончании предыдущего танца и остался бы и побеседовал со мной, но надеялся перекинуться парой слов с премьер-министром.

– Он предпочел тебе политика? Это ужасно! Ты должна тотчас прервать это знакомство.

Минерва рассмеялась:

– Я бы даже не взглянула в его сторону, если бы этот джентльмен не сумел воспользоваться такой возможностью.

– Мне придется тебя огорчить, – сказала Джулиана, – но, должно быть, твой мистер Паркс не сумел сделать этого, поскольку премьер-министр вальсирует с герцогиней Летбридж.

Три дамы с интересом посмотрели на красавицу в объятиях премьера. Минерва внимательно разглядывала наряд дамы, так как обещала помочь Себастьяну с отчетом о последних веяниях моды.

– Этот цвет можно назвать чисто-белым? – спросила она. – Думаю, оттенок чуть более кремовый, чем у моего платья, а возможно, и нет. Вот уж никогда не надела бы вышитый атлас. Сверху она практически обнажена.

Селия с ее либеральными представлениями о том, что прилично обсуждать с незамужней девушкой, издала звук, который невоспитанный человек назвал бы фырканьем.

– Едва ли герцогиню можно назвать дебютанткой. По словам Тарквина, она заводила интрижки с доброй половиной привлекательных мужчин Лондона.

– И с ним тоже?

– Он это отрицает, говорит, что недостаточно красив, чтобы она заинтересовалась им. Чепуха, конечно, но я рада, что у них ничего не было. А как насчет Каина?

Неодобрительно поджав хорошенькие губки, Джулиана тем не менее не смогла скрыть блеска в своих глазах.

– Никогда не выясняла. Лучше не знать, чем он занимался до того, как мы поженились.

Минерва окинула взглядом свое простое белое шелковое платье с верхней юбкой из прозрачного тюля и вышитые атласные туфельки. Взор ее вдруг затуманился, и тут же возникла легкая боль в глазницах.

– Проклятие, – пробормотала она, но недостаточно тихо.

– В чем дело?

– Все в порядке, Селия. Впрочем, пожалуй, нет. У меня начинается мигрень. Я узнала симптомы.

– В самом деле? – переспросила Селия. – Ты уверена, что это не та удобная головная боль, которая позволит тебе сбежать с бала и организовать заговор с целью ускорить падение правительства?

Минерва сумела изобразить подобие улыбки.

– Я исправилась. Все время, пока находилась в Вене, я ни разу не попала в неприятность. – Почти ни разу, добавила она мысленно. Не стоило волновать Джулиану. – Я не стала бы притворяться нездоровой во время бала, устроенного в мою честь. У меня не часто случаются приступы, но когда такое все-таки происходит, я часами мучаюсь от боли.

– Можно как-нибудь снять приступ? – спросила Джулиана.

– У меня с собой есть порошки. Иногда достаточно принять один и немного полежать, тогда приступ пройдет. Если меня не будет больше получаса, передайте мои извинения нашим хозяевам.

Полчаса и полбутылки спустя у Блейка появилась идея. В течение многих лет они с Лэмом подшучивали друг над другом. Так почему бы не сделать этого и сегодня?

Библиотека в Вандерлин-Хаусе, хотя и была меньших размеров, чем в МанDEVиле – шропширском поместье Хэмптонов, выглядела тем не менее достаточно обширной. Позолоченная лепнина сияла в приглушенном свете единственной масляной лампы. Проскользнув сюда из своего укромного уголка, Блейк не мог не оценить освежающую прохладу комнаты и приятный запах старых кожаных переплетов. Над тесно уставленными книжными полками тускло мерцали мраморные лики греческих и римских философов. В свое время, занимаясь в библиотеке с учителями, Блейк частенько мечтал когда-нибудь утереть нос этим самодовольным и ограниченным корифеям. Особенно греческим.

Боже, как он ненавидел все греческое, особенно греческий язык. Блейк поднес бутылку к губам и обнаружил, что она пуста.

Прищурившись, он прикинул, сумеет ли сбить с такого расстояния бюст ненавистного Платона. Крикетным шаром он сделал бы это довольно легко, а вот с тяжелой и плохо управляемой бутылкой из-под шампанского гарантировать успех было невозможно. Увлечшись этой мальчишеской идеей, он едва не упустил из виду тот факт, что находится в библиотеке не один. Женщина в белом лежала на оттоманке с высоким изголовьем, предназначенной для удобного чтения, как, впрочем, и для менее интеллектуальных занятий.

Герцогиня появилась раньше, чем было условлено.

Высокая женщина, широко расправив пышные юбки, полулежала на кушетке, касаясь бальными туфельками дубового паркета. Одна рука, затаенная в перчатку, прикрывала глаза, другая, обнаженная, театрально свешивалась к полу. Блейк очень сомневался, что дама спит. Скорее, предположил он, герцогиня таким образом приглашала Лэма принять участие в одной из своих маленьких игр.

К примеру, рыскающий в поисках добычи сатир находит спящую нимфу, или, что весьма уместно в обстановке библиотеки, – приходящий учитель соблазняет невинную дочь хозяина дома. Впрочем, Блейка мало занимали подобные мысли. Только не его, ведь большую часть прошедшей недели он провел в постели Дезире. К тому же сейчас он был изрядно пьян.

С другой стороны, будет забавно, если Лэм появится и увидит, что его место уже занято. По-детски, но очень забавно. Это даже лучше, чем если бы он застучал Лэма с поличным. Блейк бесшумно пересек комнату и присел у самой кушетки, разглядывая белые туфельки из шелка, украшенные изящной вышивкой. Не удержав равновесия, он опустился на колени, не отрывая глаз от завораживающих узоров, и наконец с некоторым трудом перевел взгляд на шиколотки герцогини. Очень хорошенькие. Блейк всегда имел слабость к аккуратным шиколоткам, хотя и не мог припомнить, чтобы обращал внимание на шиколотки Антеи Летбридж. Изящные, хорошо очерченные и обманчиво невинные в девственно белых чулках.

Кончиком указательного пальца он провел по косточке под шелком. Герцогиня не пошевелилась. Осмелев, Блейк осторожно погладил ногу, ощущая тепло кожи. Герцогиня слегка вздрогнула от его прикосновения. Блейк обхватил ладонью нежную лодыжку и подвинулся на пару дюймов выше. По ее телу прошла слабая волна возбуждения, а ноги немного раздвинулись, однако ритм дыхания несколько не изменился, и можно было подумать, будто женщина действительно спит.

Так, значит, все-таки спящая нимфа. Неплохая игра.

Обхватив руками ее шиколотки, Блейк медленно развел ноги герцогини в стороны и склонился поцеловать изящный подъем, потом, слегка подталкивая головой пышные юбки, провел губами по внутренней стороне голени.

Сладкий головокружительный аромат женщины подвиг его продолжить свое исследование. Возможно, сейчас он был не в состоянии завершить начатое, но попробовать стоило. И он точно знал, что дама оценит его внимание. Тихонько хихикнув, Блейк решительно приподнял юбки и нырнул под многослойный шелковый навес. Нежная кожа бедер касалась его щеки, и ее ароматный жар стал зовом боевой трубы для его естества. Похоже, сегодня вечером прекрасная герцогиня получит двойную порцию удовольствия.

Она пошевелилась и вытянула ноги, словно выходя из сонного состояния. В тот же миг Блейк услышал, как поворачивается ручка двери, и сразу же вспомнил о существовании старого друга. Черт побери Лэма. Он явился слишком рано.

– Что? – Вопрос был задан голосом, в котором смешались сонливость и замешательство, затем раздался короткий сдавленный крик. На его голову через юбки посыпались удары, и Блейк поспешно отстранился.

Опустившись на колени, он поднял голову и увидел перед собой разъяренное лицо мисс Минервы Монтроуз.

– Что вы делаете? – воскликнула она. Она лежала перед ним с бесстыдно задранными до самых колен юбками.

У Блейка слова застряли в горле, и он лишь беспомощно разевал рот. Так несколько долгих секунд они с ужасом смотрели друг на друга. Затем оба одновременно повернулись к двери.

В библиотеку вошла процессия, которая сделала бы честь предланчевому дефиле в Гайд-парке.

Его мать, герцогиня Хэмптон.

Лорд Айверли, его кузен, пожизненный враг и к тому же зять Минервы.

Леди Чейз и миссис Комптон, лучшие подруги Дианы – нынешней супруги Себастьяна и бывшей невесты Блейка.

Совершенно ошарашенный Джеймс Лэмтон.

Явно забавлявшаяся ситуацией герцогиня Летбридж.

И в довершение всего – леди Джорджиана Харвилл, самая известная сплетница Лондона.